

пиной (12 октября 1944 г., Париж)⁶ не совпадают с напечатанными в журнале «Новик»: согласно им, супруга П.А. Столыпина «умерла 22 октября 1944 г. в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем» (с. 392). Перечень подобных разночтений можно было бы продолжить.

Следует особо подчеркнуть, что информация, собранная энтузиастами журнала «Новик» и сведённая воедино в рецензируемом издании, очень ценна для воссоздания «некрополя дворянской диаспоры», поэтому в будущем на её основе может быть подготовлена «Историко-биографическая энциклопедия русского дворянства». Кроме того, «Генеалогическая хроника российской эмиграции...», без сомнения, займёт достойное место среди доступных для современных исследователей источников, способствующих сохранению исторической памяти о драматических коллизиях нашего прошлого и извлечению из него надлежащих уроков.

В.В. Журавлёв

Примечания

¹ *Сабенникова И.В.* Зарубежная архивная Россия // *Общественная мысль Русского зарубежья*: Энциклопедия. М., 2009. С. 635–675.

² Дать такое название основателю журнала Л.М. Савёлову предложила его жена – Надежда Андриановна, мотивируя это тем, что слово «новик» в XVI–XVII вв. означало «начинавший дворянскую службу юноша». Но уже в XIX в. этим термином обозначали «всё новое, свежее» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1978. С. 550).

³ *Наумов О.Н.* Зарубежная генеалогия и развитие методики родословных исследований в России в первой половине XX в. // *Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании*. М., 1996. С. 352–354.

⁴ См., например: *Отечественная история: Энциклопедия*. Т. 2. М., 1996. С. 617; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи: 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 338; *Государственный Совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия*. М., 2008. С. 121; *Экономическая история России (с древнейших времён до 1917 г.): Энциклопедия*. Т. 1. М., 2008. С. 1008; *Пётр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия*. М., 2011. С. 240.

⁵ *Государственная Дума России: Энциклопедия*. Т. 1. Государственная Дума Российской империи (1906–1917 гг.). М., 2006. С. 105.

⁶ *Пётр Аркадьевич Столыпин... С. 631; Шилов Д.Н.* Указ. соч. С. 689.

И.А. Хормач. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011. 607 с.

Книга ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН И.А. Хормач представляет собой новое слово в историографии советской внешней политики. Новизна авторского подхода отразилась уже в самом заглавии монографии, в котором выражен сложный и неоднозначный характер взаимоотношений молодого советского государства и возникшего почти одновременно с ним первого глобального межгосударственного объединения. Заметим, что если элемент «борьбы» РСФСР/СССР против Лиги наций и воплощённого в ней версальского миропорядка достаточно сильно акцентировался как советскими, так и западными историками (разумеется, с

различных позиций), то элемент весьма многогранного «сотрудничества» с этой организацией – даже ещё до вступления в неё СССР – по сути оставался белым пятном в исторической науке. В значительной степени это было связано с односторонностью источниковой базы: критическая позиция в отношении Лиги была выражена в многочисленных открытых документах – официальных советских заявлениях, газетных и журнальных статьях и т.д., тогда как альтернативные, более сбалансированные подходы отражались в документах, не предназначавшихся к оглашению, и откладывались под теми или иными грифами в архивных фондах, недоступных для исследователя.

Читая монографию Хормач, вновь убеждаешься, насколько благотворное влияние на историческую науку имела «архивная революция», начавшаяся ещё в период советской перестройки и в полной мере развернувшаяся в современной России. В книге широко представлены ранее закрытые материалы Архива внешней политики РФ и Архива Президента РФ, что позволило автору достаточно ярко и убедительно осветить характер плановой работы советских дипломатов, процесс выработки, принятия и корректировки политических решений в отношении Лиги наций.

Сильной стороной монографии является чёткая структурированность по проблемно-хронологическому принципу. В первых двух главах отражён начальный период взаимоотношений СССР и Лиги наций (1919–1922), причём в 1-й главе доминирует тема конфронтации, а во 2-й – попыток её преодоления. 4-я, 5-я, 7-я и 8-я главы посвящены перипетиям дискуссий между Советским Союзом и государствами – членами Лиги по вопросам разоружения и международной безопасности, а в 3-й и 6-й рассматриваются вопросы международной экономики и торговли, которыми с участием советской стороны занималась Лига и связанные с ней организации. Разумеется, жёстко разграничить эти сюжеты невозможно, что создало определённые проблемы для архитекторики труда: к примеру, дебаты на Генуэзской конференции или вокруг проекта конвенции о международной торговле оружием 1925 г., о чём говорится в 4-й главе, с не меньшим основанием могли войти в 3-ю главу, посвящённую предыстории и ходу Международной экономической конференции 1927 г.; § 7 7-й главы («СССР и Международная экономическая конференция 1933 г.») был бы более уместным в составе предыдущей, 6-й главы, где идёт речь о деятельности советской дипломатии на состоявшихся в 1931 г. международных конференциях по зерну и на Третьей сессии Конференции по Объединённой Европе. Однако разбивка глав на параграфы, причём весьма дробная (самое меньшее их число – 3, самое большое – 14, исключением являются 3-я и 8-я главы, где такая разбивка отсут-

ствует) позволяет достаточно свободно ориентироваться в содержании книги.

Из двух основных тематических блоков, которые рассматриваются в рецензируемой работе, – условно говоря, политического и экономического, – последний до недавнего времени был для российского читателя terra incognita. Между тем даже отдельные представители советского экспертного сообщества считали Лигу в первую очередь «орудием экономического мира», как это формулировал известный специалист по международному праву Ю.В. Ключников (с. 105). Безусловной заслугой автора рецензируемой монографии можно считать то, что она впервые обращает столь пристальное внимание на этот аспект деятельности Лиги и приводит многочисленные факты активного участия в ней представителей советского государства. Читатель узнаёт об их вкладе в обсуждение на различных международных форумах проблем морского и речного права, экономической статистики, борьбы с подделкой денежных знаков – и многих других, из решения которых (пусть половинчатого и далеко не идеального) ныне выткалась ткань того феномена, который получил название «глобализации» (с. 95–101, 139–142). Также впервые в монографии приводятся сведения о сотрудничестве СССР с органами Лиги наций и связанными с ней организациями в сфере борьбы с эпидемиями, наркоманией, браконьерством (с. 82–101).

В 1920–1930-х гг. процесс глобализации был ещё, можно сказать, в зачаточной стадии, проблемы экономического и гуманитарного сотрудничества отеснялись зачастую на второй план, а на первый выдвигались те, что касались военного измерения международной политики. Это нашло своё отражение и в деятельности Лиги (в этом плане мнение Ключникова, при всём уважении к нему, представляется несколько односторонним, выражающем скорее пожелание, чем действительность). Казалось бы, при том идеологическом антагонизме и взаимном недоверии, которыми определялись отношения советского государства со странами «капиталистического окружения», никакого серьёзного взаимодействия

между ними в сфере сбалансирования и регулирования военных потенциалов (чем пыталась заниматься Лига наций) быть не могло. Однако, как свидетельствуют приводимые Хормач факты, попытки налаживания такого взаимодействия имели место. В её монографии впервые в столь развернутом и полном виде представлена деятельность советских военных специалистов (Е.А. Беренса, И.Д. Васильева, В.Е. Егорьева, А.А. Лангового, В.К. Путны, П.И. Смирнова и др.), которые привлекались для формулирования советской позиции по «разоруженческой» проблематике. Возможно, кому-то покажется излишне подробным изложение их записок и разработок, тем более что большинство их осталось не востребованными. Однако, знакомя читателя со всем разнообразием детальных вариантов и схем, предлагавшихся для ликвидации или ограничения тех или иных средств ведения войны, автор тем самым выстраивает довольно солидную аргументацию в пользу того вывода, что речь шла не об упражнениях в пропаганде, а о серьёзных попытках найти международный консенсус по данному вопросу.

Анализируя огромный массив источников, Хормач приходит к весьма важным обобщениям, которые проливают свет на одну из самых малоразработанных, но крайне значимых проблем – о разногласиях в советском внешнеполитическом аппарате, которые обусловили весьма сложную, зигзагообразную траекторию советской политики в целом и в отношении Лиги наций – в частности. Ранее эта проблема вообще игнорировалась: считалось, что советская политика, особенно при Сталине, представляла собой некий монолит и направлялась единственно волей «вождя». Ныне российские историки делают первые шаги к созданию более объективной картины: так, А.В. Ревякин отметил, что между наркомом Г.В. Чичериным и его заместителем М.М. Литвиновым имели место существенные «трения»: «Чичерин считал приоритетным партнёром СССР на Западе Германию, тогда как Литвинов был сторонником сближения с Великобританией», а также разногласия по конкретным вопросам – участия или неучастия в подготовительной комиссии

конференции по разоружению в 1927 г. и отношения к пакту Бриана–Келлога в 1928 г., причём в обоих случаях нарком занимал более жёсткую позицию, чем его заместитель¹.

Содержание рецензируемой книги подтверждает наличие таких разногласий, более того, Хормач констатирует, что они проявлялись и ранее, например, при обсуждении вопросов об ограничении морских вооружений и о посылке советского наблюдателя в Лигу в 1924 г. (с. 190–191, 208–209). Выясняется, что далеко не всегда Литвинов проявлял больший реализм по сравнению с Чичериным. Бывало и обратное, как в случае с явно надуманной инициативой замнаркома в марте 1926 г. по замене Лиги наций неким альтернативным «Содружеством народов». «Литвинов выдвинул свой план в период, когда очередная идея создания “своей Лиги” никак не могла реализоваться, – пишет Хормач. – Это объясняется, видимо, тем, что он временно “остыл” к идее сотрудничества с Лигой даже в области разоружения. Если раньше он возглавлял группу советских дипломатов, доказывавших целесообразность участия в её работе, и боролся с Чичериным, отрицавшим такую возможность, то теперь они словно поменялись местами» (с. 269). Оценка меткая. В то же время авторская формулировка допускает вывод, что в какой-то иной период идея Литвинова имела некие шансы на реализацию. Однако таких шансов не было никогда. Спорным является и объяснение «пируэта» Литвинова лишь фактором личного соперничества с наркомом. Не менее спорна, впрочем, и точка зрения Ревякина о принципиальных противоречиях в их взглядах. Хормач справедливо отмечает, что в своём отношении к попыткам подменить государственную дипломатию «партийной» (призывы к «мировой революции» и т.д.) Чичерин и Литвинов были едины – как это видно в их совместном письме Бухарину от 8 марта 1928 г. по поводу «ультрареволюционной» статьи некоего Брудного, предназначенной для публикации в «Правде» (с. 324–325).

Очевидно, проблема плюрализма в концептуальных подходах при планировании и принятии внешнеполитических

решений в советском руководстве ещё требует дальнейшего изучения. Хочется надеяться, что она найдёт отражение в ходе продолжения исследовательского проекта И.А. Хормач (автор работает над монографией о деятельности СССР в Лиге наций в 1934–1939 гг.). Пока же можно констатировать, что первая часть этого проекта выполнена на самом высоком, научном уровне. Заполнена существ-

венная лакуна в наших знаниях об отношениях советского государства и Лиги наций.

А.М. Филитов

Примечание

¹ См.: Очерки истории министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 108, 130–132.

Е.А. Вишленкова, Р.Х. Галиуллина, К.А. Ильина. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 656 с.

Всегда трудно создавать научные исследования о явлениях, которые ещё не стали достоянием истории. При этом их завершённость или незавершённость часто бывает неочевидной и выясняется лишь в ходе специального изучения. Именно с этим сталкивается читатель рецензируемой монографии. Русская профессура впервые рассматривается в ней как целостный культурный феномен и как самоорганизующееся сообщество. И хотя книга имеет вполне определенные хронологические рамки, охватывающие первую половину XIX в., авторы не ограничиваются изложением событий, происходивших с отечественной профессурой в данный период.

За исключением своих уставов русские университеты имели мало общего с европейскими с их корпоративностью и автономностью. Средневековые университеты Западной Европы являлись одной из городских корпораций, существование которых во многом объяснялось слабостью власти. Когда же сложились современные европейские государства, они были вынуждены признать университетскую автономию как уже существующий факт. Поэтому самоуправление и корпоративность были мощными традициями университета, с которыми приходилось считаться. В России государство само учреждало университеты и финансировало их. И что бы ни говорилось в уставах об автономии, русский университет изначально был интегрирован в государственную структуру.

Александр I, видимо, действительно хотел, чтобы его детище имело все внешние признаки западного университета. Поэтому его правительство буквально навязывало автономию «учённому сословию». Но университеты, делавшие первые шаги, ещё не могли в полной мере воспользоваться дарованными привилегиями. В России профессора неохотно брали на себя хозяйственные и административные функции, а то и вовсе отказывались от них, предпочитая заниматься исключительно наукой и преподаванием. В книге читатель найдёт немало любопытных фактов, свидетельствующих о том, что университетская автономия по-разному понималась внутри профессорской корпорации.

Устав 1804 г. лишь декларировал автономию университетов, породив миф, который в дальнейшем, переключившись на научную литературу, приводил к противопоставлению александровской и николаевской эпох (широкая автономия при Александре I и её отсутствие при Николае I, затем её возвращение Александром II и упразднение Александром III).

Иллюзия автономности университетов при Александре I ретроспективно соединялась с расхожим представлением о либерализме царя, не предъявлявшего к ним сколько-нибудь жёстких требований. В первой четверти XIX в., как показано в монографии, университеты должны были в первую очередь служить общекультурной европеизации, тогда как каких-то более конкретных задач перед ними не ста-